

Я ЗДЕСЬ ИЗ-ЗА ТЕБЯ

Дэниел часто поднимался на крышу Норт-Мичиган, 900, когда отец здесь работал. Ему не разрешалось подходить к краю, но восьмилетнему мальчишке всегда хотелось посмотреть вниз с самого опасного места — с металлического козырька. Уже тогда первые пыльные облака слегка размывали картинку, но букашек, спешащих на работу, еще было видно. Дэниел смотрел на них, пока отец что-то обсуждал по телефону или спорил с коллегами, тоже вышедшими покурить.

В один из таких дней, внимательно понаблюдав за прохожими, Дэниел наконец задал вопрос — и лишь тогда понял, насколько же тот глупый:

— А кто все эти люди?

— В смысле? — усмехнулся отец. — Отойди немного от края. — Дэниел сделал два шага назад, хоть и не понимал зачем, ведь он все время держался за низкое ограждение. — Люди как люди.

— Ну-у-у... Они все идут на работу? — не удовлетворенный таким простым ответом, переспросил Дэниел.

Отец подошел ближе и тоже с интересом посмотрел вниз. Будто решил на всякий случай удостовериться, что за десять лет работы здесь вид с крыши не изменился, что там вдруг не появилось каких-то новых людей, выходящих из зданий, а не входящих в них.

— Не знаю. Да, наверное. Сейчас же утро. Так что, скорее всего, большинство идет на работу. Мы с тобой тоже полчаса назад шли там, внизу, и если тут, на крыше, был кто-то другой, то он мог смотреть на нас, думая, куда это мы спешим.

— Понятно... — согласился Дэниел, но, видимо, по его задумчивому лицу отец догадался: сына и это объяснение не устраивает.

— А что?

— Ничего. Их так много. И они все куда-то спешат, как муравьи. У всех... как будто...

— Да, у всех свои жизни. Свои дела. Дети, родители, ну и работа.

— И им нет дела до меня, — зачем-то добавил Дэниел.

Отец удивился и даже рассмеялся.

— Они же тебя не знают.

— Да... Просто иногда кажется, что есть я и есть все остальные. Ну, как в той игре про кошку.

— А, все создаются по ходу игры и живут для тебя? Как будто главный герой ты, Дэнни? — улыбнулся отец. Стало неловко, но он кивнул, потому что именно это и имел в виду. — Отсюда ты видишь, что у всех свои дела и у каждого свой мир, и не можешь понять, настоящие они или симуляция?

— Да, — согласился Дэниел, поражаясь тому, что отец понимает его с полуслова.

Тот всегда его понимал — и понимал, что у него растет если не гений, то уж точно одаренный ребенок. И поэтому в очередной раз сказал:

— Только мой сын задает такие вопросы в таком возрасте.

Когда они уже вернулись в кабинет и отец успел поработать, а Дэниел поиграть во что-то на портативной консоли, тот вдруг сказал:

— Да, ты прав. Интересно получается. Миллионы людей — и у всех какие-то свои дела.

Дэниел ответил то ли кивком, то ли коротким «ага» и продолжил играть.

Совсем недавно это шестидесятишестиэтажное здание поглотила постоянно расширяющаяся карантинная зона. Новый плотный смог с промзоны не растворялся, уходя на высоту облаков, а застревал где-то посередине, что сказывалось на незащищенных строениях. Те быстро начинали сыпаться, и после нескольких чрезвычайных ситуаций было принято решение закрывать высотки, владельцы которых не могут позволить себе ежегодный ремонт и обработку внешней части зданий.

Конкретно этот бизнес-центр придерживался всех постановлений и даже на пару лет стал островом на фоне происходящего вокруг. Но затем, проиграв экологическим реалиям, был выведен из эксплуатации. Тысячи сотрудников десятка разных компаний покинули его — и теперь это просто гигантский скелет прошлого мира. И таких скелетов на окраинах Чикаго уже сотня.

Стоя на вертолетной площадке, Стоун усмехается, вспомнив, что просил отца под любым предлогом подняться на крышу и опять посмотреть на муравьев внизу, а однажды даже наблюдал приземление вертолета

с какой-то важной шишкой на борту. Отец обозвал того словом, которое обычно при сыне не произносил, но тот мужик это звание оправдал, примерно через год уволив две сотни своих сотрудников. Включая отца.

Стоун осторожно подходит к краю крыши. С трудом различимые через пыльные облака улицы пусты. Чикаго называют сердцем Малой Америки, и если это так, то сердце медленно, но верно высыхает. По крайней мере, по этим старым венам кровь уже не течет. Возможно, осознав это, правительство начало продвигать высокотехнологичные корпорации в надежде, как сказал бы Стоун, апдейтнуть эту реальность. Тогда-то и появилась Nova World Corp и ей подобные гиганты.

Ненависть захлестывает Стоуна, когда он замечает вдалеке высоченное здание NWC. Черное покрытие защищает новые высоты от ядовитых выбросов промышленной зоны. Черное покрытие — черные здания, новое сердце — черное.

Услышав шум военного вертолета, он бежит к входу на лестничную площадку, но, понимая, что не успеет, прячется под толстыми трубами вентиляционной системы. Что бы ни пролетало мимо, на глаза Стоуну оно не попадается.

Ложная тревога.

— Идиот. — Стоун встает с пола, покрытого не то пылью, не то песком.

Вертолету нет необходимости подниматься так высоко.

Стоун спускается по лестнице. Девять этажей вниз. Раньше, с новой блестящей мраморной плиткой и белым потолком, коридоры были похожи друг на друга. Правда, мистер Ким с шестьдесят первого зачем-то

повесил фотографию покойного кота на лестничной площадке, и именно по ней Стоун узнавал, что на два пролета ниже находится этаж, где работает отец.

Спустившись на пятьдесят девятый, он выходит в коридор, освещенный вялым, будто вечно закатным светом, пробивающимся через окна в кабинетах и далее через открытые двери в коридор. На этом и еще двух этажах ниже по непонятным причинам электричество еще работает. Ниже пятнадцатого Стоун проверять не стал. Лишний риск ни к чему. Вряд ли тут шастают отряды, выискивающие хакеров в бегах, но могут оказаться бездомные. А с ними не поймешь, нападут или попрячутся кто куда.

План — переждать месяц в Норт-Мичиган, 900, сканируя обстановку. Когда из сети пропадут упоминания «бурильщиков», можно будет переместиться ближе к новому центру. Там осталось несколько знакомых ребят — есть шанс, что подкинут работенку на время, пока он возится с подготовкой побега в Канаду. Да и это решение еще не окончательное.

Соединив проводку, Стоун впускает в кабинет свет. Дергается, услышав, как лопается в соседнем лампочка. Нервы в последнее время пошаливают. То и дело мерещатся скрипы, шаги, тени в проходах. Можно, конечно, выправить ситуацию серебром, но припрятано немного. Кроме того, сейчас нужен серьезный подход и максимум концентрации. Не время заниматься этим.

Стоун включает мини-компьютер, бросает рюкзак на стол. Долго сидит в кресле, раскачиваясь взад-вперед. Размышляет об обвинительном сообщении Эйджи, о провале миссии «бурильщиков», что в некотором смысле его

успех, но вот жертв успехом не назовешь. Эйджи... Всегда был самым дотошным, всегда доводил дело до конца, в отличие от него. Вот и разгадал секрет провала. Предательство. «Бурильщики» больше нет.

Стоун открывает металлическую коробку размером с пачку сигарет. Она напоминает телефон с кнопочной клавиатурой: цифры и буквы, маленький монохромный дисплей. Вводит данные, нажимает на зеленую кнопку и следит за значениями на дисплее. Вылезают цифры, за ними другие — значения не сильно меняются, и это радует. Стабильный пинг. Интернет здесь, как ни странно, ловит хорошо. Глушилки и системы защиты корпораций усложнили доступ к сети всем, живущим ближе к центру Чикаго. Кибербезопасность — приоритет номер один.

Стоун входит в интернет и подключается к последнему каналу связи, созданному сообществом хакеров для свободного доступа. «Черная бухта». Та все еще держит оборону. Минус — нет возможности вести личную переписку. Это, по сути, гигантский чат для тысяч киберпреступников. Плюсы — анонимность и невозможность отследить автора послания.

На экране вылезает предложение создать разовый никнейм. Стоун не хочет палиться, поэтому просто вбивает ряд цифр, но тем не менее надо дать понять своим, что это он. Поэтому аватаркой Стоун выбирает пиксельного енота. Кто в теме, должен просечь. По крайней мере, он на это надеется.

Печатает: «Есть кто из „бурильщиков“?» — и отправляет. Чат забрасывает его насмешками в связи с кончиной некогда одной из самых крутых хакерских группировок.

Он читает сотни сообщений в ленте, надеясь, что кто-то из ребят даст о себе знать, но ничего нет. Либо он не понимает их подмигиваний. Уже несколько недель раз в день он пишет короткое сообщение — и реакция всегда одна: «Доигрались, придурки». Получив еще одно такое послание, он, не выдержав, отправляет в чат: «Парни, если вы тут, дайте знать, это ДС. Я в порядке».

Безрезультатно. Следующие несколько часов он размышляет о том, куда его завела паранойя. Он в карантинной зоне. Прячется среди бетонных скелетов прошлого в ожидании агентов NWC или Комитета по киберпреступлениям. Ну, или сходящих с ума бездомных. Рано или поздно за ним придут — так же, как пришли за всеми остальными. Паутине нельзя доверять. Мониторинг выявит его. Нельзя доверять и улицам. Камеры, полицейские дроны, снимки из космоса. Карантинная зона сейчас — его спасение, но в долгосрочной перспективе — скорее наоборот. Через год-два это скажется на здоровье. Начнется характерный кашель, будут выпадать волосы, на теле появятся язвы — и много других побочных эффектов. Здесь нельзя оставаться надолго.

Стоун пытается взбодриться. Гребаная паранойя его убьет.

На этот раз долго уговаривать себя не приходится. Поковырявшись в рюкзаке, он находит инъектор. Вставляет капсулу с серебристой жидкостью и без раздумий колет в шею. Дорога в мир виртуальных утех закрыта, ведь Комитет по мониторингу виртуальных плоскостей бдит. Серебро — давно проверенный им способ сбросить напряжение. Полчаса полета мысли обеспечены.

Стоун вскакивает со скрипящего кресла, когда перед окном пролетает вертолет. За последние месяцы инстинкты стали определять его повседневное поведение, поэтому он не удивляется, поняв, что еще до того, как прийти в сознание, оказался под столом.

Дальше вновь привычная тишина. Идиот. Никто никогда не отправит за ним вертолет, да и спецотряда он не стоит. Наверное. Кроме того, летать по карантинной зоне — это нормально. Либо очень высоко, либо низко, как сейчас. И что с того, что его увидит вертолет? Он самый обычный бездомный, захвативший офисное помещение. Бездомный — и, возможно, сошедший с ума, раз ему не хватает здравого смысла, чтобы отсюда убраться.

Единственное по-настоящему опасное место, где его могут засечь, — информационная паутина, после чего физическое обнаружение — дело времени. Поэтому Стоун старается соблюдать все доступные меры безопасности. Коннектор, призванный не только вывести его в глобальную сеть, но и шифровать данные, показывает, что, пока он находился под действием серебра, соединение два раза обрывалось, но быстро восстанавливалось. Пинг стабильно высокий. Ничего подозрительного.

Вернувшись за стол, он включает мини-компьютер. Личных сообщений нет, а вот чат «Черной бухты» перевалил за две тысячи. Нет смысла перечитывать все в поисках своих собратьев. Безнадежно. Если «бурильщики» знают правду о нем, то, очевидно, не выйдут на контакт. Да и что он им скажет?

«Ты нас предал, Стоун!» — «Да ладно тебе, Антон, мы же живы, так что прорвемся! Посидим вечером в баре? Вспомним былое! Кстати, ты жив? Отличная новость!»

Лучше бы совсем не писать. Не подставлять тех, кто сумел скрыться, да и себя самого, но эти полгода в бегах — жить в опустевшем районе Чикаго, жрать синтетическую еду, дышать отравленным воздухом и говорить с самим собой — были невыносимыми. Раньше, до «бурильщиков», он неплохо справлялся с одиночеством, но, когда обрел тех, кого хотя бы отдаленно можно назвать друзьями, все изменилось. Пожалуй, одиночество прямо сейчас — худшая из его бед.

Услышав хруст под ботинком, Стоун замечает иньектор, кладет его в боковой кармашек рюкзака и нащупывает там что-то еще. Флешка — та самая, куда восемь месяцев назад пришли «сладости» от «енота». Последняя подянка NWC, после которой возврат к нормальной жизни для него был заказан. Да, можно было бы попытаться все объяснить работодателю, сказать, что он ни при чем, что это все проклятые хакеры и таким был план... Но в голову прокралась мысль, что исчезновение Стоуна — идеальное завершение операции. Если избавиться и от него, то не останется никого, как-либо связанного с «бурильщиками». Подтверждение — детектор движения, оповестивший, что через час, как Стоун покинул квартиру, в нее ворвались пять человек.

Теперь Стоун здесь, в карантинной зоне, крутит в руке файлы, кража которых разъярила одну из самых могущественных корпораций в мире. Последние десять файлов NWC, последняя утечка и последний взлом легендарных «бурильщиков». Чертов Эйджи. На кой черт он это сделал? Зачем злить тех, кто уже тебя уделал? Доигрался, придурок. Вероятно, теперь мертв. А может, мертвы все.

Пролетает еще один вертолет, но в этот раз Стоун не прячется, а просто замирает, смотря в окно. Через недельку надо бы сменить локацию. Хотя он осторожен, лучше на одном месте не задерживаться. Тем более что совсем недавно власти тестировали сканирующее оборудование, используемое Министерством по чрезвычайным положениям. Выпустили ролик, в котором показали спасение бездомного пса из здания, предназначенного под снос. Самолет МЧП облетел здание пару раз и выдал отсканированную 3D-карту, указавшую на живой объект — псину в глубине помещений. А что они найдут в этом здании? Десяток бездомных, доживающих остаток своих дней.

Восемь месяцев он не решался проверить содержимое накопителя. По словам Эйджи, NWC как с цепи сорвалась, узнав о краже данных. Несколько месяцев «бурильщики» ждали от него ответа, ждали, пока он расшифрует эти десять файлов. Не дождались. Последним вышедшим на связь из старой команды был парнишка из Нового Дубая, которого все знали под коротким никнеймом, а возможно, и реальным именем Нур, что переводится как «свет».

«Света больше нет...» — шепчет Стоун и отключает коннектор, отрезая себя от сети.

Нужно быть готовым ко всему. Нет сети — нет выходов на него — главное, чему научила его жизнь хакера. Ни одна система защиты не идеальна, и пример тому — его собственная работа. Лучшая защита — прямое отключение от сети, выход из игры в кошки-мышки. Вполне возможно, на флешке просто вирус.

«Енот» мог своровать файлы, а мог получить то, что скормила ему NWC. Вставив накопитель в гнездо, он

улыбается: появляется анимированная восьмимбитная картинка. Последняя особь енота умерла в день, когда Стоун родился, и он ощущает символичность этого события: теперь он последний из енотов, обманчиво милостивых животных, много лет назад славившихся умением обворовывать людей. В честь них он и назвал новый вирус — вирус-шутку, вирус-эксперимент, способный украсть ровно десять файлов, но не каких попало. «Енот» старается выхватывать наиболее используемые, закрытые от лишних глаз стандартными приложениями файлы, в свойствах которых указан запрет на копирование. Ну и раз этот вирус — шутка, то и оставлял он после себя дерьмо на рабочем столе. Буквально изображение со свежим дерьмом, чтобы дать владельцу файлов понять, что его поимели.

Стоун представляет лицо большого начальника или спецагента NWC, открывшего по своей тупости файл, якобы относящийся к работе ФБР. В тот момент, когда он понял, как наложил, вирус уже успел наложить на его рабочий стол пиксельных фекалий.

Стоун вводит пароль. Енот кивком подтверждает правильность символов и открывает доступ к десяти сундучкам с сокровищами. Рядом с каждым, если Стоун наводит на него мышку, появляется хихикающий и потирающий лапки вор.

Проверив три файла, Стоун разочарованно вспоминает, что никто и не обещал ему нечто ценное. В файлах — отчеты, мнения экспертов, предполагаемое движение курса валют как ответ на поглощения компаний. Стоун смеется над собой. Ему скормили именно то, чем он и занимался, когда работал на эту всемогущую корпорацию. Все те же гребаные отчеты.

Следующий файл тоже пустышка: список сотрудников, уволенных за последние три года. Семнадцать тысяч человек, среди которых он находит и себя. Причина увольнения — нарушение правил безопасности...

— Ладно, дальше, — раздраженно говорит он, открывая следующий файл. «Высокотехнологичный экспериментальный проект», коих не меньше сотни было запущено только за год его работы. Ничего интересного.

Черт, ну ладно.

Стоун замирает и подается вперед, изучая материалы. Его указательный палец уже нажал на следующую иконку, но он медленно отводит стрелку. Енот вместе с курсором возвращается к пятому сундуку — пятому файлу — и, жадно потирая лапками, ждет щелчка. Стоун открывает файл еще раз.

Социальный эксперимент. Все как всегда. Еще один псевдонаучный проект, напичканный красивыми словами о значимости для человечества — с одним исключением. «Симуляция жизнедеятельности идеального общества в условиях создания нового мира». Местонахождение объекта — спутник Луна. Вот это уже интересно. Стоун лезет в рюкзак и находит каталог, специально выпускаемый NWC для инвесторов. Листает список проектов на Луне. Все исключительно промышленные. Несколько заводов по переработке лунной руды, шахтерский городок на пять тысяч человек — аналог Красного города на Марсе.

— «Мунлайт», — щурится Стоун, читая название проекта.

Никаких деталей. Лишь местонахождение и дата запуска — 2 июля 2079 года. Стоун вспоминает, что бюджет на лунные разработки в том году существенно

увеличили, но на все вопросы сотрудников низшего звена, к которым относился и он, отвечали стандартно: конфиденциальная информация, контракт с правительством США. Точных сумм он не знал, но, вероятно, речь о сотнях миллиардов. Зачем? Ни Красный город, ни лунные рудники себя пока не оправдали. Даже близко. Ведь речь о вложениях на десятки лет вперед.

Стоун стучит пальцем по названию проекта. Это еще ни о чем не говорит. Ничего подозрительного, кроме местонахождения. По крайней мере, для того, чтобы начать такую зачистку.

Следующий файл — список действующих сотрудников филиала NWC в Токио. Ничего особенного, как и в следующих двух. Осталось еще два: «Кейтлин Сэнд» и «Ари».

— Ари?! Ублюдки! — взрывается Стоун и открывает файл. — Что вы с ней сделали?

Файл «Ари» разделен на фрагменты, лишь к части из которых открыт доступ. Вероятно, речь о последней рабочей версии придуманного им самообучающегося искусственного интеллекта. Сворована NWC во время взлома. Точнее, предательства Стоуна.

Около получаса он пытается расшифровать данные через простейшие хакерские программы. Больше просто нечем. Другие штуки предполагают подключение к сети, но что представляет собой Ари прямо сейчас, он не знает. Вполне возможно, это и есть их способ его выманить.

С полчаса он смотрит на экран, выбирая между двумя вариантами. Начать взлом, используя все возможности, или закрыть, удалить и забыть. Еще вариант — «Черная бухта». Хакеры раздерут на части любые файлы,

словно пираньи, лишь бы поупражняться в чем-то новом, но это тоже большой риск.

— Они не могли все это сделать только из-за тебя... В чем смысл? Зачем взламывать нас и забирать только тебя?

Стоун замирает, наткнувшись в свойствах файла «Ари» на вкладку «Разработчики». Он, естественно, понимал, что его имя вряд ли будет в этом списке, но то, что он видит, злит его не на шутку.

— Токийский филиал Nova World Corp?! — кричит он и бьет кулаком по столу. Ари разрабатывал сам Стоун, и, когда стало ясно, что прототипу нужны свежие мозги, предложил остальным «бурильщикам» подкидывать ИИ блоки информации, интересные задачи для ее обучения.

Последний файл называется «Кейтлин Сэнд». Информация о сотруднике: «Пол — женский. Токийский филиал NWC. Последнее местонахождение: объект „Мунлайт“, спутник Луна».

— Ага... Вот и связь.

Некая Кейтлин Сэнд находится на Луне, на объекте «Мунлайт».

Стоун пытается получить расширенную информацию. «Доступ закрыт. Необходим доступ через консоль Nova World Corp либо через ресурсы компании. Подключитесь, пожалуйста, к сети».

— Конечно, разбежался, — усмехается Стоун.

Он открывает файл со списком сотрудников токийского филиала. Вводит в поиске: «Кейтлин». Получает ответ: «Найдено одно совпадение. Кейтлин Сэнд, тестирующий проекта „Ари“. Местонахождение — Токио». Стоун клацает мышью по имени, открывается

фотография девушки. Милая, длинноволосая, с приятной улыбкой, она снята на фоне голограммы цветущей сакуры.

«Дополнительная информация: разработчик программного обеспечения. Местонахождение — Токио. Филиал Nova World Corp. Контактная информация недоступна».

— Так, так, так. Значит, вы похитили мою Ари и передали в токийский отдел. У вас есть сотрудница Кейтлин Сэнд, — Стоун тычет в нее пальцем, — которая, по официальным данным, находится в Токио, — тычет в файл сотрудников филиала, — а по засекреченным данным — на Луне, точнее, на объекте «Мунлайт». Понятно. Но где и как вы используете Ари? — Стоун озадаченно разглядывает файлы. Привычка разговаривать с самим собой, полученная за годы фриланса, его давно не беспокоит. — Где Ари?! Ублюдки!

В гневе он бьет ногой по столу и ловит, сжав бедра, упавший мини-компьютер. Возвращает на место последнюю рабочую технику.

Отберете компьютер — отберете и жизнь.

* * *

После ужина Стоун вместе со всеми спешит в камеру. Час свободы — час, когда каждый заключенный «Мункейджа» мечтает как можно быстрее спрятаться за решеткой.

И во время ужина, и сейчас Стоун ловит много взглядов, но не во всех читается раздражение, ненависть или желание его удавить. Некоторые словно говорят: «О, этот

парень все еще жив? Как долго Дикарь будет играть с жертвой?» Будь он, например, посредником, мог бы прославиться как «человек, который выжил». Тем более, у него теперь появилась ценная информация: Дикарь не такой уж дикий. Да, он опасный ублюдок, способный и готовый свернуть кому-нибудь шею за любой проступок, но Стоун видит и нечто другое. Тайную цель, помимо которой Дикарь, как настоящий хищник, не видит ничего. Ему плевать на оскорбления, на слухи и разговоры о нем. Пока никто не стоит между ним и Брауном, он готов мирно сосуществовать с каждым.

«Вы не трогаете меня — я не трогаю вас».

Теперь Стоун знает об этом, но не знают другие — и это его своеобразная защита. Никто не полезет в клетку к тигру, чтобы забрать его ужин. А триста третий сейчас, по всеобщему мнению, ужин первого.

Стоун сворачивает к лестнице. Толчком в плечо его сбивает с ног один из гладиаторов. Еще несколько человек, смеясь, блокируют доступ к ступеням. Предлагают особо не обольщаться. Ведь если не Дикарь, то рано или поздно до него доберется Ящер.

Попав наконец на пятый этаж, он ковыляет к камере. Близится конец первого дня бок о бок с тем, в чьем человеческом начале сомневается как минимум половина Сектора один. Подойдя к камере, Стоун на всякий случай сперва заглядывает внутрь. Охрана при желании может превратить решетку в сплошную стену, не оставив и лучика света, поэтому, пока есть возможность, лучше сразу выяснить, где именно притаился Дикарь.

Самсурова в клетке нет, и Стоун вспоминает, где обычно находится в это время заключенный номер один. Смотрит вниз, на площадку. Как и ожидалось, Павел там,

у забора. Его взгляд устремлен на вновь ставший прозрачным потолок. Да что за псих.

Дикарь всегда возвращается в камеру вовремя, словно охрана ждет его и лишь затем выпускает Ящера. Но, по словам других, охрана тут ни при чем. Именно поэтому после ужина ее тут не бывает. Шепчущий монстр действует по какой-то другой системе, и, раз Павел жив, значит, он эту систему знает.

Стоун смотрит то на первого, то на сотню других заключенных, наблюдающих за ним с балконов, как в театре, в ожидании кровавого действия. Эта картина удивляет: все знают, что, пока Дикарь не в клетке, Ящера не будет. Он в некотором смысле гарант того, что решетки не закроются раньше срока. И почему, пока он на площадке, остальные прячутся, молясь, чтобы однажды он совершил ошибку?

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

